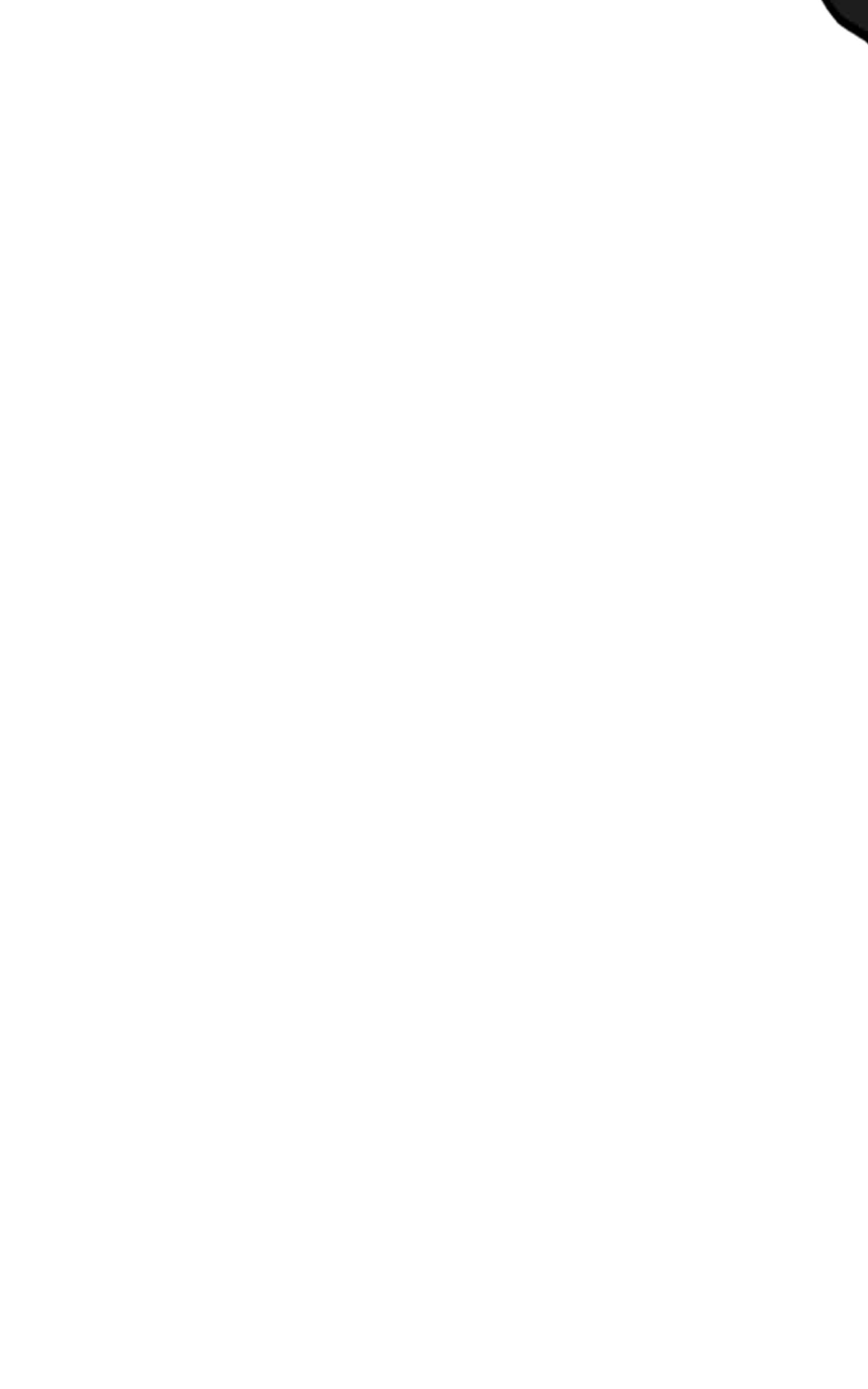

ЧАСТЬ I
ТЕМНЫЙ ЛЕС

Видное, 2017 год

ГЛАВА 1

ТЕНЬ-ТЕНЬ

Рассказать о таком, не опасаясь, что тебя назовут психом, можно было только Алисе: она поверит. И доказательство — вот оно. Мирон глянул на левую кисть, перевязанную бинтом, и крутанулся в компьютерном кресле. Ладонь жгло. Порез неглубокий, но на сгибе заживать все равно будет долго.

«Наш ты. Шорный».

— Шорный, — пробормотал Мирон, рассматривая темный монитор. — Бред...

Алиса была в Сети. Мирон напечатал одним пальцем: «Ты дома?»

Она ответила сразу: «Да. Учю».

«Ща приду».

Мирон спустился на первый этаж. В дверях столкнулся с мамой и спрятал руку за спину: объяснять все равно придется, но ничего убедительного в голову пока не пришло.

— К Алисе? — сразу догадалась мама. — В школе не наобщались?

— Угу, — сказал он, обуваясь.

— Ужинать приходите!

Алиса жила в том же доме, за стенкой. Двухэтажные таунхаусы на улице Школьной вмещали четыре семьи: каждая квартира с отдельным входом, парковкой и небольшим участком на заднем дворе. Отец Алисы дядя Толя говорил, что эти дома строили пленные немцы. Какие пленные немцы в пятидесятых? Вроде все это понимали, но байка продолжала существовать.

Мирон прошел под окнами через палисадник и нырнул в Алисину прихожую. Кондиционер работал на обогрев — после уличной сырости здесь было блаженно тепло.

— Я тут! — донеслось из гостиной.

Мирон пошел на голос и, оказавшись в комнате, с размаху уселся на диван. Алиса лежала с влажным полотенцем на лбу. Из-под раскрытых книг и тетрадок виднелись ее длинные ноги.

— Что с рукой?

— На меня бабка напала, — угрюмо признался Мирон. Алиса поднялась так резко, что учебники посыпались на пол. — Бабка с ножом.

— Что-о? — По крайней мере, она взбодрилась. — Отдельнов, мы не виделись всего два часа, когда ты успел?..

— Короче... — начал он и снова уставился на левую ладонь.

Два часа назад они вышли из школы, но учить Мирон сегодня не собирался: надоело. Родители и так достали: «Не катайся в Москву, сиди дома, готовься». Значит, туда он и поедет. С этой

мыслью Мирон догреб до платформы Расторгуево. Вернее, почти догреб: мимо остановки шла она. Бабка. Обычная, сумку тащила. Там еще мужик стоял и женщина с маленькой девочкой. Бабка на них посмотрела — и к Мирону: внучок-внучок, тут недалеко, пособи донести.

— А ты что? — выдохнула Алиса.

— Ну, все стоят, ждут, помогу или нет. Взял я у нее эту сумку..

Бабка даже в лице переменялась — видимо, желающие находились редко. Сумка оказалась неподъемной, как будто внутри были блины от штанги. Мирон виду не подал — потел, но старался шагать бодро. Оказалось, она живет на Советской — ничего себе «недалеко», быстрее было доехать на автобусе. Зашли в подъезд девятиэтажки, и вовремя: еще немного — и Мирон хлопнулся бы в обморок от усталости, голова уже кружилась страшно. Решил дождаться лифта и сбежать. Бабка стоит, кнопку жмет — а лифт не едет.

— Засада, — посочувствовала Алиса. — И ей, конечно, на девятый.

— Точно. Ей на девятый, лифт сломался, и тут я понимаю, что мне финиш. Не надо было в седьмом классе секцию бросать и сутками в комп тупить.

Бабка, разумеется, поохала, боженьку вспомнила и вдруг схватила Мирона за руку — эту самую, левую. Знаю, говорит, потешку

одну — и прямо в глаза уставилась. Мирон подумал, что через бабкины зрачки кто-то за ним подглядывает, и ему стало холодно. А она палец скрючила и давай по ладони корябать: *«Тень-тень-потетень, вышел мертвый за плетень, сел покойник под плетень, похвалялся целый день...»* Мирон успел подумать, что слова неправильные, но она уже отпустила, кажется подмигнула даже: *«Наш ты, шорный. Камушки сдюжил — выходит, наш».*

Тут подошел какой-то мужик, тоже нажал на кнопку — и лифт приехал. Мирон поставил сумку внутрь, пропустил бабу, а когда двери начали закрываться, неожиданно для себя протиснулся между ними.

— Зачем?

Мирон пожал плечами.

— Допустим. — Алиса вскочила с дивана и метнулась на кухню. Крикнула: — Чай есть, имбирный! Будешь? — Она принесла две кружки и устроилась напротив Мирона прямо на полу, сложив ноги по-турецки. — Я только одного не понимаю — ножом-то за что? Ты ведь ей помог.

— Помог, — кивнул он. — Прикинь, мне стало любопытно, что это за «наш». Мы поднялись на девятый, и я спросил, чей я, по ее мнению. «Шорный. Что принес-то, глянь». Открываю сумку, а там пусто. Только на дне камни, как с пляжа — маленькие. Я их в руки взял — вообще ничего не весят. Но я же помню, что еле тащил,

до сих пор спина болит. Если бы, говорит, был не наш, вообще бы с места не сдвинул...

В светлой комнате с плетеным ковром на полу вся эта история с бабкой казалась дикой даже самому Мирону. Но порез был настоящим. Алиса тряхнула волосами, собранными в высокий хвост, и потеряла плечи.

— Жуть какая, просто мороз по коже.

— Ты мне веришь?

— Пока не знаю. Может, тебе просто...

— Что мне «просто»? Показалось?..

Мирон знал Алису с первого класса. По-знакомились забавно: первого сентября мама забрала его из школы и зачем-то прихватила с собой незнакомую девочку с тонкими черными косичками. Оказалось — новая соседка, только переехали. За ней опаздывали, а мама выручила. Тогда еще был жив их мопс Мистер Пиквик, и Алиса попросила дать ей подержать поводок. Мирон великодушно поделился: он давно привык к Мистеру Пиквику и не понимал Алисиного счастья. Сначала Алиса посидела у них, потом он погостил у Алисы, в школу и из школы — вместе, все праздники — тоже. За это время Мирон всерьез обиделся на нее, кажется, однажды — когда в его девятый день рождения она сидела на качелях среди подружек и только хихикала, поглядывая в его сторону, а он чувствовал себя на собственном празднике лишним. Тогда Мирон ушел к себе и гамал в «Варкрафт»

один, а потом еще дня три демонстративно с ней не разговаривал. Правда, когда на выходных родители повезли их в зоопарк, обижаться дальше не получилось. Как-то глупо было смотреть на жирафа и молчать.

Вот и сейчас кольнуло похожим. Впрочем, зря. Если бы ему самому кто-нибудь рассказал про неподъемные камни-голыши, он бы не только на фантазию подумал.

Видимо, ощутив вину, Алиса придвинулась ближе и посмотрела снизу вверх, сочувственно сложив брови домиком.

— Что было дальше?

— Ну, она опять мне по ладони пальцем поводи- ла и ушла на кухню, хлопнула холодильником, а вернулась уже с ножом. И без предупреждения по ладони — фига! Про экзамены что-то говорила. *И тебе будет от себя польза, только скажи, пожелай... Вот так, пока не зажило, потрогаешь, загадаешь — все сдашь, даже если не учил. Чего хочешь желай пока. А как поверишь — ко мне вернешься...* И про капусту. Капуста ей вроде была нужна.

— Ха! — сказала Алиса. — Ха-ха! Так значит, твоя рука желания исполняет?

Мирон изобразил здоровой ладонью фейс-палм. Пока кривлялся, понял, что нужно делать, — и размотал бинт.

Порез был на месте — бледный, чуть влажный, с приоткрытыми краями.

— Валяй, проверь, — произнес он с деланным безразличием.

— Подожди. — Алиса выхватила из-под тетрадки смартфон и забегала пальцами по экрану. — Шорный — это... Хм. «Относящийся к ременной упряжи и другим техническим изделиям из кожи». Прости, но... Серьезно?

Первым не выдержал и расхохотался сам Мирон. Смех был истерическим, нехорошим, зато Алиса веселилась от души.

— Ременная упряжь! — всхлипывала она. — Изделия из кожи! Хочу, — и кончик ногтя очертил вокруг пореза кривой овал, — чтобы появился пони! Здесь только пони не хватает!

Оба внезапно смолкли, будто у них разом пропал голос. Осторожно осмотрелись, но пони из шкафа не выскочил.

В комнате потемнело — снова собирался дождь, казалось, лета в этом году вообще не будет. Над крышей громыхнуло и покатилося, затихая.

— Слава богу, — серьезно сказала Алиса. — Просто спятившая бабка.

— Вообще чокнутая, — согласился Мирон. — Ну, я пойду.

— Ага. — Алиса подобрала с пола книгу. — Надо учить.

— Мне тоже, я еще не...

Он бы признался, что по-хорошему даже не начинал готовиться, но в палисаднике захрустело.